

Художник П. Перевезенцев

Служебный маг

Святослав Логинов

*Жить на вершине голой,
Писать простые сонеты
И брать у людей из дола
Хлеб, вино и котлеты.*

И ещё — молоко. Вспоминая стихотворение неведомого гения, Терим непременно добавлял в список молоко. Оно ежедневно появлялось в большой серебряной чаше, густое и сладкое; сливок в нём отставилось на два пальца. Терим переливал молоко в глиняную корчагу, а чашу отправлял обратно. Обмен происходил ежедневно, и Терим уже не мог сказать, кому изначально принадлежала серебряная посуда.

Разумеется, молоком дело не ограничивалось. Раз в год Терим получал снизу дрова, уже напиленные и расколотые. А вот окладывать их в поленницу приходилось самому. Объявлялась на голой вершине и рыба: скользкие угри, палтус и лосось, которого так славно коптить на ольховых дровишках.

Много ещё чего дольные обитатели преподносили Териму; отшельник не отказывал себе ни в чём. Пропитанье — радость тела и одежду — радость духа можно было бы брать и даром, никто не посмел бы возражать, но Терим за всё привык платить. И не только здоровьем и удачей в делах, но и безыскусными богатствами горных склонов, а порой и дальних стран. Окрестные вершины цвели разнотравьем, среди которого особенно много было жёлтой железницы, дикие пчёлы неустанно сновали вдоль склонов, накапливая текучий мёд. Терима они не трогали, даже когда он приходил забирать лишек сладости. Мёда выходило столько, что не переест, и, получив снизу корзину живой рыбы, Терим порой отправлял суровым рыбакам кадушку горного мёда. На северах пчела не живёт, а сладкого хочется всем.

За дрова расплачивался солью. В окрестных ущельях соли не было, но не так трудно заглянуть на соляные озёра, нагрести в рогожный куль пуда два серой соли и отправить дровосекам. Своих варниц у них нет, а соль нужна и людям, и скотине, и дикому зверю. Так почему бы не порадовать добрых людей?

Но всего замечательней Терим расплачивался за парное молоко и свежее мясо — те самые котлеты, о которых говорилось в стихах. Владельцы лучших стад кочевали в сухой степи, где хорошие водопои можно пересчитать по пальцам. И лучший из источников был создан Теримом. Посреди голой равнины виднелся изъеденный останец — последний кусочек древних гор, сдавшихся перед упорством ветра. Там, на высоте двух человеческих ростов, находилась каменная чаша, полная холодной воды. Влага через край стекала во вторую чашу, а оттуда — на землю, где растекалась крошечным озерцом, а верней — лужей. На чашах красовались надписи, исполненные нечитаемой восточной вязью. Первая гласила: «Здесь пьёт бог и птицы небесные». Вторая утверждала: «Здесь пьют люди». Внизу надписи не было, но все и так знали: «Здесь пьют твари земные». Рассказывают, будто некий властелин подъехал к источнику на

ФАНТАСТИКА

коне и хотел напиться из верхней чаши, но ледяная вода сожгла его нутро, прервав цепь великих побед. Мудрецы и поэты, всяк на свой лад, толковали предание, но только Терим знал, что случилось на самом деле. Если волшебник говорит, что пить из верхней чаши не надо, то этого делать не следует. А вода в чудесном источнике была самая обычная, из ледниковой реки, что протекала у подножия голой вершины, где издавна стоял дом Терима, или, как называли его окрестные жители, — саκля колдуна.

За иные приношения дольных людей Терим расплачивался небесно-голубыми осколками бирюзы и самородным серебром. Камень и металл были у Терима под рукой, а вернее — под ногой. Обычный старатель до горных богатств не докопался бы, а Терим умел вынимать потребное, обходясь без шурфов и шахт.

Конечно, как уже сказано, людям из дола можно было не платить, но приятно чувствовать себя честным. Опять же быть при деле — лучше, чем бездельничать.

Жаль, что времени для занятий поэзией совсем не оставалось. На столе, в единственной жилой комнате лежал лист бумаги, на котором красовалась первая строфа первого из задуманных сонетов:

*Судьбе назло писать сонеты стану,
Поскольку сей размер, каким пою,
Давно забыт в моём родном краю,
А также в сопредельных странах...*

На этом поэтическое вдохновение покинуло Терима и не возвращалось уже много лет. Но листок отшельник не выбрасывал и даже со стола не убирал, чтобы, случись приступ творчества, всегда был под рукой. Зимними вечерами, когда на смену молоку приходил глинтвейн, Терим ставил на листок кружку с горячим напитком. Красные круги от донышка переплетались на пожелтевшей бумаге, образуя причудливый узор, словно кто-то бесцётное число раз рисовал человеческое сердце. Отхлёбывая пряное вино, Терим порой думал с изрядной долей кокетства: «Вот помру, придут снизу люди, моё барахло разбирать, и, взглянув на эти строки, скажут, что я писал их кровью сердца. А я их и вовсе не писал, сами сложились».

Так протекала жизнь. Со своими Терим почти не общался, разве что объявлялись дела, касающиеся всех. Но таких не случалось давным-давно. Поэтому Терим очень удивился, когда посреди единственной комнаты, едва не загородив проход, объявился переговорный столб. Больше всего он напоминал аккуратно выпиленный кусок молнии: светящийся, переполненный разрядами. Густой грозовой запах расплзался по всему дому, обещая ожог лёгких и резь в глазах. Обещания эти обычно не сбывались, столб возникал редко и ненадолго и не мог причинить существенного вреда здоровью. Колдуны быстренько решали насущные вопросы и забывали друг о друге до следующего раза. Поставить переговорный столб (или столп, тут Терим за-

труднялся в подборе слова) было не так просто. Для этого должны были собраться трое магов, что уже само по себе удивительно, и эти трое обязаны решить, что у них есть важное сообщение для остальных. Зато, пока столб стоит, любой чародей может свободно беседовать с любым, где и когда бы тот ни жил.

Первыми всегда говорили те, кто столб поставил, поэтому Терим молчал, ожидая, что ему скажут. А когда услышал, долго чесал в затылке, словно пытался выцарапать хотя бы одну здравую мысль.

Совершенно незнакомый и как бы неживой голос сообщил:

— За вами числится задолженность по коммунальным услугам. Задолженность и начисленную пеню необходимо погасить в течение трёх банковских дней.

Было о чём задуматься. Вроде бы все слова по отдельности понятны, но вместе они в осмысленную фразу не складывались. Кому, за что и сколько задолжал Терим? Он всегда платил за любую добрую услугу, хотя мог этого и не делать. И вдруг — коммунальные платежи... Кто бы мог сказать, что это за зверь такой?

Всякое дело Терим привык обдумывать неспешно. Куда торопиться тому, в чьём распоряжении сотни медленно тянущихся лет? Но на этот раз поразмыслить ему не дали. Из столба раздался голос Гухма — ближайшего Теримова соседа. Гухм жил лет семьсот назад на западном склоне хребта и считался злым волшебником. Собственно, никому зла он не причинял, хотя и помощи от него было не дожидаться. Просто жил в своё удовольствие, беря у людей из дола всё потребное для жизни. И вот теперь его голос ворвался в саклю Терима:

— Это твои штучки, да?

— С чего ты взял? Сам не могу понять, что происходит.

— Ты же у нас любитель платить.

— За вами числится задолженность по коммунальным услугам... — с механической неотвратимостью забубнил столб.

— Что такое коммунальные услуги? Первый раз о таких слышу.

— Это я успел узнать, — со скрытым злорадством пропел злой колдун. — Свет, газ и вода. И ещё — земные недра. Ты ими пользуешься, вот и плати этой дурашке.

— Они, что же, хотят, чтобы мы за солнце платили? — Терим слыл добрым волшебником, но на этот раз голос его был не ласков.

— Чего не знаю, того не знаю. Ты мне лучше скажи, что такое «газ»?

— Не газ, а гас. У тебя небось в доме открытый очаг?

— Конечно, какой же ещё?

— Вот ты про гас и не знаешь. А у меня — печка. Если трубу раньше времени перекрыть, то угли гаснут неправильно, образуется гас, или, как ещё говорят, угар. Вредная штука, угореть можно, людям, так и до смерти.

— Я всегда говорил, что ваши печи — дурацкое новшество. Зачем тебе гас, скажи на милость?

— Мне он и в бреду не нужен. Не пользовался и пользоваться не собираюсь. И платить за него не буду, пусть не надеются.

— Попробуй, а я погляжу, как это у тебя получится. Ты, кстати, сегодня уже завтракал?

— Нет, конечно. Ещё утро, в долине так и вовсе темно. Кто же в такую рань ест? Умные люди говорят: «Ужин съешь сам, завтрак отдай врагу». Так что через пару часов, не раньше, когда хозяйки дойку закончат, а другие лепёшек напекут. Тут я и завтракать стану, пока горяченькое.

— Станешь, как же... Лапу сосать станешь! Попробуй что-нибудь склдовать.

— Попробовал, — откликнулся Терим через пару минут. — Узнал, что платить по задолженности можно деньгами — это монеты, что среди людей ходят, а также какими-то природными ресурсами.

— Как платить, это всегда пожалуйста. А ты для себя что-нибудь попробуй. Дом проветри, а то от столба вонища стоит и глаза болят.

Терим попробовал, и у него ничего не получилось. Пришлось вставать и вручную распахивать дверь, чтобы хоть немного вытянуло грозовой запах.

— То-то, — произнёс Гухм, не дождавшись ответа. — Повязали нас, приятель, по рукам и ногам.

— Не только вас, — врезался в беседу новый голос. — Сейчас всех скрутило.

Есть у переговорного столба замечательное свойство. Беседуя через столб, нельзя остаться неизвестным. Те, к кому обращаешься, будут знать, кто ты таков и где живёшь, пусть даже никогда тебя прежде не слышали. Хотя имя Тай Бу известно всем, всё-таки это старейший из волшебников. Дом его стоит где-то в глухих лесах чуть не десять тысяч лет назад, а может, и ещё раньше. Тай Бу не общался даже с собратьями, а тут объявился. Значит, и его припекло дурацким столбом.

— Что же всё-таки случилось? — спросил Гухм.

— А то и случилось. Со мной было похожее, лет полтора тому. Заявился к моему дому вождь и сказал: «Ты будешь нам добычу загонять, погоду наколдовывать, меня и моих жён лечить, а я тебя за это не стану убивать».

— И крепко он в лоб получил? — поинтересовался дальний голос волшебника Му. Видно уже все собратья слушали рассказ старика.

— Получил, но не сразу. У меня дурная привычка: сначала думать и только потом бить. Я и глянул, что будет, если я скажу «да». Смешно будет. Вся моя сила навсегда сгинет, вернее, повернётся на то, чтобы повелевать другими волшебниками, где бы и когда они ни жили. Но не свою волю стану им говорить, а волю вождя. А им придётся слушаться, хотя они или не хотят.

— И что дальше? — Терим не успел понять, кто это сказал.

— Дальше я спросил, что будет, когда я пошлю тебя в болото охотиться на пиявок. Он от злости заревел: «Ты сейчас почувешь тяжесть моей дубины!» Дубина, если кто не знает, это палица такая. Я тогда молодой был, так меня тоже любопытство одолело: что тяжелее — его дубина или мой кулак. Получилось, что кулак. Но насмерть я бить не стал, а то этого пришибёшь — следующий приползёт. С тех пор никто из колдунов на службу к людям не ходил. А теперь, видать, кого-то угораздило. Вам ближе, вы и решайте, что делать.

— За вами числится задолженность... — Судя по всему, эту фразу столб вознамерился повторять неуклонно.

— Только не вздумайте ему хотя бы малую малость давать. Он после этого уже никогда не отлипнет! — Марок, сказавший эти слова, считался светлым волшебником и знал, сколь надоедливы бывают те, кому ты однажды сделал доброе дело.

— Значит так, — предложил Терим. — Сейчас расходимся, и каждый попытается придумать, как от напасти избавиться. Вечером соберёмся и расскажем, кто до чего додумался.

На том и порешили. А что ещё делать, если ничего другого не получается?

Для начала Терим попытался выяснить, за что конкретно ему надо платить и сколько. Оказалось, что налог на солнце

пока не ввели, а газа, что бы это слово ни значило, у Терима нет и не было. Заодно выяснилось, что гас и газ хоть и не совсем, но разные вещи. Деньги требовали только за воду: за ручей, который Терим подвёл к своему дому, и тот, что бурлил в чаше посреди засушливой степи. Плата была не так и велика, но за триста лет в двух ручьях столько воды утекло, что становилось страшно. Что тогда говорить о Гухме? Злодей был поклонником суровой красоты гор и обустроил рядом со своей хижинкой водопад, который стократно превосходил оба Теримова родника, да и обрушился с горы не триста, а все шестьсот лет.

Можно было, не прибегая к запретному колдовству, утверждать, что у каждого чародея возле дома обустроен источник воды, за который отныне предстояло платить.

Интереса ради Терим проверил, сколько монет в кошельках у людей, пьющих его воду. Оказалось не так много, и тысячной доли потребного наскрести не получится. Потом выяснил, что ещё принимают неведомые повелители в качестве платы за не свою воду, и долго смеялся.

Вечером, как и договаривались, колдуны всех времён и народов собрались у переговорных столбов, чтобы обсудить свои печальные дела. Многие были голодными, ибо сами пищу добывать давно разучились, а подношения от людей не поступали. Вернее, поступали они исправно, но взять их не удавалось, колдовство было дозволено только то, что направлено на погашение долга. Зато Дорич — один из самых молодых чароделов, живущий в далёком будущем, — сумел нащупать, куда направляются выплаченные долги и на каком основании их требуют.

Перед взором волхвов возникло огромнейшее поселение с миллионами людей, по-муравьиному снующих повсюду. В центре этого вавилона возвышалось здание, буквы на котором складывались в малопонятные слова: «Министерство финансов».

— Здесь управляют казной, — пояснил Дорич. — Это понятно?

Гул голосов подтвердил, что это понятно всем.

— Здесь назначают и взимают налоги. В том числе здешние власти объявили, что земные недра принадлежат им, а значит, за них надо платить.

На этот раз гул не был таким дружным. Все понимали, что власть на то и власть, чтобы захватывать всё, до чего сможет дотянуться. Но глубины и пропасти земные — до них попробуй дотянись. А вот надо же, объявили налог и требуют не пойми чего с тех, кто себе и людям на радость выводит на поверхность чистые подземные воды, кто ищет в пещерах самоцветные камушки, да ещё какой-то газ использует. И пусть бы они сотрясали впустую воздух, но теперь среди волхвов появился предатель, пошедший к людям на службу, взявший всех за горло. Ренегат, как сказал Дорич. Что первая часть слова значит, ещё надо подумать, но что перебежчик гад, с этим были согласны все.

И ничего не сделать с мерзавцем, как есть ничего. Колдовской силы у древних и новых магов оставалось только на то, чтобы выполнять лиходейскую волю Министерства финансов.

Когда общая бестолковая беседа попритихла, Терим спросил, обращаясь только к Гухму:

— Ты сквозь землю смотреть умеешь?

— Умею. А толку с того?

— Золото под землёй умеешь различать? Его тут много, если вёрст на семь вглубь.

— Ты что собираешься?

— Налоги заплатить. С пеней и всем остальным.

— С ума сошёл! Они тут же что-нибудь новое придумают.

— Так и я придумаю. Тут мы и поглядим, что получится.

— Ну, давай. Только все выплаты за тебя пойдут. Не хочу, чтобы меня ещё куда-нибудь припрягли.

К вечеру высотное здание Министерства финансов до семнадцатого этажа было засыпано самородками. Оно бы и вовсе рухнуло, но предусмотрительный Терим аккуратно заполнял внутренние объёмы золотым песком, и здание устояло.

— С золотом кончаем работать, — делился впечатлениями Терим. — Оно отчего-то подешевело, теперь налог за пользование недрами больше, чем стоимость добытого золота. Я ошибся малость и сопредельным странам тоже самородочков подсыпал. Немного, каждому государству горку высотой до второго этажа. У них там паника, а у нас начинается второй этап выплаты долгов.

— У вас золото, а мне чем платить? — вмешался Тай Бу. — В наших краях про золото и не слыхивали.

— Пушниной можешь платить, — посоветовал Гухм.

— Совсем сдурел? У меня во всей тайге столько соболой не наберётся.

— Ещё деревом можешь, — утешил старца Терим. — Брёвнами: лиственницей, сосной, кедром.

— Этого добра у меня полно. Хоть с головой засыплю.

— Немножко подожди. Я договорился кое с кем, и сначала мы начнём поставки строительного камня. Оно, конечно, дешёвка, но для родного министерства чего только не сделаешь.

«Что за чушь я несу? — мелькнула мысль. — Два дня назад я и помыслить не мог — такие слова произносить... Чему только не научишься за долгую жизнь».

— Сколько ждать? А то кушать хочется.

— Ишь ты, какой нежный... Я уже не кушать, а жрать хочу, но терплю. Не печалься, думаю, к вечеру он нас отпустит, и первым делом каждый пир закатит.

Через полчаса на город, где проживал ренегат, обрушился строительный камень — огромнейшие блоки лучшего мрамора. Падали блоки не как попало, а складывались стеной вокруг золотой горы. Несколько административных зданий, окружавших министерство, оказалось разрушено, но в целом обошлось без жертв, добрый маг Терим укладывал блоки аккуратно, следя лишь, чтобы из развалин министерства никто не сумел сбежать.

Следом наступила очередь Тай Бу. Патриарх хотел привычно наломать столетних деревьев и свалить их кучей на город, который невзлюбил с первого взгляда, но Терим объявил, что так дело не пойдёт.

— Всё должно быть по ГОСТу.

Закливание грядущих времён заставило старика смириться, и брёвна пошли калиброванные по диаметру, без веток и не сломленные, а ровно обрезанные.

Штабеля лучшей древесины вырастали вокруг золотой горы, складываясь титаническим костром.

К тому времени над гибнущим министерством появились военные вертолёты, а на земле, на дальних подступах, — танки. Десяток корабельных сосен пришлось не уложить, а уронить с высоты так, чтобы воины поняли, что отсюда следует держаться подальше.

Волшебник Му оказался единственным из колдовского братства, которому предстояло платить не только за воду, но и за газ. Храм огнепоклонников, где столетиями пылал огонь, оказался не просто храмом. Негасимым пламенем на алтаре сгорал пресловутый газ, сочащийся из земли. Волшебник Му живёт при храме, значит, за газ должен платить он. В логике финансистам завтрашнего дня отказать нельзя.

Ещё во владениях Му под жарким солнцем лоснились битумом нефтяные озёра. Одни просто жирно чернели, другие, подожжённые неведомо кем, зачем и когда, горели дымным, неиссякаемым пламенем. Нефть имелась в списке природных ресурсов, ею можно было расплачиваться за долги, чем и воспользовался законопослушный Терим.

Когда первые потоки вонючей жидкости, которую неясно для чего жаждали потомки, хлынули на стволы хвойных деревьев, нервы у мага-рenegата не выдержали.

— Спасите! — донеслось из переговорного столба.

«Маг Валера» — определил каждый, кто в этот миг находился поблизости.

Жил Валера в том далёком далеке, что наступит ещё очень не скоро.

Волхвы заранее условились, что переговоры, буде такие случатся, станет вести Терим. Добрый волшебник постарается обойтись без смертоубийства, и, значит, на души магов не ляжет ненужного груза. А что дров наломает или вздвигнет червонные горы, так это дело поправимое. Люди завалы разберут, а впредь им будет урок, чтобы не совались, куда соваться не следует.

— И как же я тебя спасу? — неторопливо спросил Терим.

— Заберите меня отсюда!

— Не могу. Я сейчас подобно джинну из кувшина, исполняя только приказ повелителя.

— Приказываю! — проблеял Валера.

— Неубедительно! — отрезал Терим. — Приказ должен исходить от твоего начальства, его должны отдать тебе, а ты обязан транслировать его мне для исполнения. Понятно?

Слово «транслировать», прежде незнакомое, Терим произнёс с особым удовольствием. Пусть мальчишка знает, с кем имеет дело, а то вообразил небось, что Терим на своей вершине только и может, что кабаргам хвосты крутить.

— Как я это сделаю?

— Напишешь... то есть отпечатаешь приказ на фирменном бланке, зайдёшь к министру, он приказ подпишет, печать привесит — и всё.

— Министр меня и слушать не станет. И вообще, его здесь нет.

— Вот неладная! — Терим быстро прозвонил систему управления министерством, поражаясь обилию вышестоящих чиновников. Хорошо хоть усечённых способностей на это хватало: должник имеет право знать, кому он отдаёт свои денежки.

Результат удивлял и пугал одновременно. Становилось понятно, зачем министерству потребовался дворец под облака. Вот, скажем, налоговая служба... Казалось бы, поставил сколько надо мытарей, а там получай деньги и радуйся жизни. Так нет, зачем-то придумали пятнадцать управлений, каждое со своим начальством и штатом. И никакое волшебство не поможет понять, чем Контрольное управление отличается от Административно-контрольного, а то, в свою очередь, от Управления камерального контроля. Чародей Валера чиновничал в Управлении налогообложения имущества и доходов физических лиц, в том его подразделении, которое дублировало деятельность Управления по работе с задолженностью и банкротством. Словом, начальства над Валерой было пруд пруди, однако ни один не обладал достаточными полномочиями, чтобы подписать нужный указ.

И всё-таки попытка не пытка. Раз обязанности не определены, то размыты и права.

— Слушай внимательно, — приказал Терим, сам удивляясь своему нахальству; ведь это ему должны приказывать, а никак не он. — Берёшь гербовую бумагу, ту, на которой указы пишут...

— Фирменный бланк?

— Во-во, фирменный... А я разве не так сказал? Так вот, берёшь бланк и пишешь: «Такого-то имярек...» — тебя, когда на службу брали, небось не Валерой писали, а как-то иначе?

— Сомов Валерий Георгиевич.

— Ишь, как важно — Георгиевич. Так и пиши: Сомова Валерия, значит, Георгиевича от занимаемой должности освободить и назначить ответственным за эвакуацию сотрудников министерства из зоны стихийного бедствия. Знаешь, что значит «эвакуация»?

— Конечно...

— Вот и я это слово уже пять минут, как всю жизнь знаю. Идёшь с этой бумагой в Управление кадров, там подпишешь и тиснешь печать.

— Да кто ж мне такое подпишет? Психушку вызовут — и все дела!

— Это уже не моё дело. Пусть тогда вас психушка и спасает. Только учти, через пять минут дровишки, что внизу сложены, загорятся. Как вы тогда выбираться будете, я не знаю. Так что хоть на коленях стой, хоть за глотку бери, но чтобы подпись и печать были.

Терим перевёл дух и сказал иным тоном:

— Уважаемый Му, вы в зачёт задолженности поставляете министерству сырую нефть. Не могли бы вы следующую порцию нефти зачерпнуть в горящем озере, причём так, чтобы огонь не погас?

— Слушаю, — усмехнулся Му, — и повинуюсь.

Терим сокрушённо покачал головой и прислушался, как идут дела у дурачка Валеры. Поспел в самый решительный момент.

— Подписывай, дура! — орал недоумок, переходя на визг, вовсе мужского пола недостойный. — Сгорим все на фиг! Подписывай, кому говорят!

«Откуда там дура? — удивился Терим. — Начальник Управления должен быть думным дьяком, не меньше. Измельчали потомки, потому, наверное, у них колдуны и не родятся».

— Я ж тебе ноги по самые уши оборву! — Последний довод, видимо, возымел действие, потому что переговорный столб замерцал и произнёс прежним неживым голосом, который ещё долго будет мерещиться свободным магам:

— Всем срочно приступить к спасению служащих Министерства финансов и прочих граждан, оказавшихся в эпицентре катастрофы.

Затем столб икнул и начал бледнеть, собираясь исчезнуть.

— Всё в порядке! — успел сказать Терим. — Завтра к полудню ставим новый столб, расскажу, чем дело кончилось, на чём сердце успокоилось.

Он уселся в любимое кресло и лишь затем обратил взор на существо, скорчившееся в углу. Мысленно ухватив существо за шкирятник, Терим встряхнул его и заставил встать.

— Не имеете права! — просипело существо.

— Он мне указывать будет! — Светлый маг, не глядя, нащупал на столе серебряную чашу и отхлебнул молока, которого был лишён целых два дня. — Ты мне скажи, дубина стоеросовая, каким местом ты думал, когда в министерство на службу шёл?

— Ну как же... все на работу ходят, и мне надо.

— Ты ещё скажи, будто не знал, что ты колдун... был.

— Это же так, фокусы показывать, девкам головы дурить. А тут — предки место нашли нехилое. Делать ни хрена не нужно, а зарплата капает хорошая. Я и пошёл, чего хуже других быть.

— Совсем дурак, — заключил Терим. — Ты ведь так и не понимаешь, что натворил. И у себя, и по всему миру.

Валера обвёл мутным взглядом дом волшебника.

— А где все?

— Всех я, согласно твоему приказу, эвакуировал, то есть отправил куда подальше. Островок у вас есть в океане, от твоей столицы пятнадцать тысяч вёрст. Туда их и перенёс, там их пожар не достанет. Да не вздрагивай ты, их скоро обнаружат, а через недельку и вытащат. А тебя я сюда приволоку, от твоего начальства подальше, а то ведь оно тебе ещё какое поручение даст. Ну-ка покажи последний приказ... Несолидно, прямо скажем, несолидно. У нас печать к приказу на витом шнурке подвешивают.

Терим положил лист на стол, ещё раз изучающе оглядел Валеру.

— Что мне теперь с тобой делать? От первой должности ты освобождён, эвакуацию провёл блестяще... не ты, конечно, а я, но это не суть важно. Новых повелений тебе не будет, у своих ты считаешься без вести пропавшим. Теперь моли судьбу, чтобы там никто не издал приказ считать тебя умершим. Ведь тогда тебя убивать придётся.

Валера вздрогнул и хотел что-то сказать, но членораздельных звуков у него не получилось.

— Приказ-то у кого подписал? — поинтересовался Терим. — Ноги кому обещался выдрать?

— Секретарше в отделе кадров. Она там все документы визирует, начальник сам не может отличить, где его подпись, где её. И печать у секретарши хранится.

— Чудеса! Твоё счастье, что жив остался. Но дел ты наворотил — всем управлением не разгрести. Финансовую систему всего мира вдребезги разнёс. Центр города разрушил, тьму народа приужахнул, а что взамен? Золото твои современники куда-нибудь приспособят, лес и нефть нацело сгорели, мрамор от огня малость повредился, но кое-что уцелело. В общем, люди разберутся, если ещё какой колдун не вздумает им послужить. Одна непонятка осталась: тебя куда девать?

В дверь робко постучали.

— Заходи, раз пришла! — возгласил Терим.

Молодая женщина осторожно переступила порог.

— Меня послали спросить, как у вас дела, всё ли в порядке. И лепёшек я принесла свежих.

— Дела у меня, что у Берда на заводе, только труба повыше и дым погуще.

Женщина не удивилась и не переспросила. Понимала, что волшебник и должен выражаться многозначительно и туманно.

Терим развернул гостинец. Лепёшки, не печёные, а жаренные на кунжутном масле, давно остыли, но после двухдневного поста показались удивительно вкусными.

— У меня к вашим старикам просьбишка, — сказал Терим. — Видишь человечка? Блаженный он. Говорить я его кое-как научил, но он всё равно заговаривается и никакого ремесла не знает. Проводи его к людам и скажи, что я просил убогого не обижать. Пристройте его к какому делу: воду носить или нужники чистить, и пусть живёт. А ты, Валерий Григорьевич, помни, что ты больше не волшебник. Силу свою ты в распыл пустил, а второй раз маг пойти на службу не может. Нынешнее твоё начальство родится через тысячу лет и, значит, никакого приказа тебе не отдаст. Осталось тебе учиться быть человеком. Дело тоже непростое, но если постараться, то выучишься. Всё понял? Если понял, то проваливай. И тебе, голубушка, счастливого пути.

Оставшись один, Терим долго сидел с закрытыми глазами, отдыхал, слушал, всё ли в порядке в мире, как живут

ФАНТАСТИКА

люди и хорошо ли бьют родники, за которые никому не надо платить.

Всё шло своим чередом, и, улыбнувшись, Терим открыл глаза. На столе лежали два листа бумаги. На одном — текст никчемного приказа, второй, залепанный винными сердцами и хранящий первую строфу незаконченного сонета. Кто скажет, пишут ли сейчас сонеты или их ещё не изобрели?

Терим притянул старый лист, взял перо, придумав на его конце неиссякающую каплю чернил, и вывел под первой строфой:

*В моём краю иная речь звучит,
А в сопредельных странах правит лихо,
И лишь в поэзии могильно тихо.
Короче, у сонета бледный вид.*

Хорошо, когда можешь заглянуть в будущее, именно заглянуть, и не более того. Дурь мага-недоумка, помноженная на безумие власти, порвала ход времён, смешав всё и вся, но теперь истории вернулось плавное течение. Больше Терим пылинки не может сдвинуть в том далёком далеке, да и картины грядущего становятся всё более смутными. Остаются только слова, нездешние, теряющие смысл, не годные ни к чему.

*Он не выдерживает зова рынка,
Он чужд литературных конъюнктур,
Обломок умирающих культур,
Излишний, как калоша для ботинка.*

Если когда-нибудь после его смерти люди найдут эти строки, они решат, что перед ними исполненная магии алгебраическая абракадабра, открывающая дверь в иные миры. И так ли далеки они будут от истины?

*Лишь я сонетом продолжаю речь,
Рискуя гнев читателя навлечь.*

Терим притянул второй лист, скривился, разглядывая печать, похожую на кляксу. Перевернул лист приказом вниз. Обратная сторона сияла девственной чистотой. Теперь на этой странице, пятная её кровавыми следами, будет стоять кружка с вечерним глинтвейном. Сюда упадут строчки, когда Теримом вновь овладеет поэтическое безумие. А прежняя страница сегодня перевернута.

Терим перечитал написанное на древнем листе, скомкал его и бросил в печь.